

Глава 11

Раз так, значит, ошибки быть не может.

Чтобы исполнить это желание, Цзи Хуайчжи бывал в том здании.

Однако в последние несколько ночей он никуда не выходил, потому и не попал под действие Гу. Но если однажды он все же отправится туда ночью, добром это не кончится...

Мысли Нин Шуана унеслись далеко. Ему нужно было сходить туда и выяснить, кто за всем этим стоит. Лучше всего было бы решить проблему самому, ведь дело касалось клана Мяоцзян. Если дойдет до того, что для разбирательства придут старейшины, это может затронуть и его самого.

К тому же, решив все как можно скорее, он сможет защитить Цзи Хуайчжи.

— Нин Шуан?

Сначала он задал этот странный вопрос, а затем замолчал, уставившись в одну точку. Цзи Хуайчжи пришлось окликнуть его, чтобы вернуть к реальности.

— А, ничего, я просто спросил, — Нин Шуан решил не развивать эту тему и с улыбкой перевел разговор: — Я приготовлю баклажаны в особом соусе, будешь?

Цзи Хуайчжи кивнул:

— Да.

— Тогда еще пожарю говядину с сельдереем и сварю суп с яйцом и водорослями. Пойдет?

Спустя пару секунд снова послышалось его тихое «хорошо».

Ужин был готов быстро. У плиты, как и прежде, стоял Нин Шуан. Он с раннего детства умел готовить самые разные блюда, и, если бы не нехватка времени, мог бы испечь что-нибудь к чаю.

За столом Нин Шуан разложил по тарелкам рис и протянул палочки Цзи Хуайчжи.

— Давай есть.

Стоило ему сесть, как Нин Дуньдунь тут же вскочил на задние лапы, уперся передними в Нин Шуана и, высунув язык, заскулил:

— Гав, гав...

— Я же тебя уже кормил, — сказал Нин Шуан, кладя кусочек баклажана в миску пса, стоявшую у ножки стола.

Проглотив угощение, Нин Дуньдунь снова прижался к его ногам, настойчиво тычась мордой ему в бок. Нин Шуан легонько щелкнул его по голове.

— У-у-гав!

Пес убрал лапы с его ног и послушно уселся под столом.

— Больше не дам, — строго сказал Нин Шуан.

Глядя на них, Цзи Хуайчжи почувствовал, как его настроение улучшилось.

— Ладно, не обращай на него внимания, давай есть, — Нин Шуан пододвинул блюдо с говядиной поближе к Цзи Хуайчжи. — Попробуй жареную говядину.

Цзи Хуайчжи взял палочки и, как велел Нин Шуан, подцепил кусочек мяса.

— Ну как? Вкусно?

Цзи Хуайчжи кивнул.

— Тогда ешь побольше. Сегодня нужно все доесть, а завтра утром я сварю кашу «восемь драгоценностей», — похвала всегда вдохновляла Нин Шуана на новые кулинарные подвиги.

— Хорошо, — в гостиной свет не горел, и только тусклая лампа над обеденным столом заливала все теплым желтым светом. Лучи падали на Нин Шуана, окутывая его мягким золотистым сиянием, отчего кончики волос и ресницы казались позолоченными.

Цзи Хуайчжи смотрел на него, и на мгновение ему показалось, что все это сон. Его ресницы дрогнули, и он, опустив голову, больше не проронил ни слова.

Около одиннадцати вечера в доме воцарилась тишина. Внизу, в своей лежанке, безмятежно спал Нин Дуньдунь.

Прошел уже час с тех пор, как они с Цзи Хуайчжи пожелали друг другу спокойной ночи, но Нин Шуан все еще был в дневной одежде, накинув сверху тонкую черную куртку.

В его комнате царил полумрак, освещаемый лишь слабой настольной лампой у кровати. Он сидел на ковре, окруженный всевозможными склянками и баночками.

Хотя в клане уже давно запретили разводить и использовать Гу, у Нин Шуана оставались старые запасы, которые некуда было деть, и он привез их с собой в университет. Кто бы мог подумать, что они ему пригодятся.

Он долго перебирал свои сокровища. Будучи самоучкой, Нин Шуан и сам уже не мог вспомнить названия и свойства некоторых Гу, а этикетки на баночках давно отклеились.

Повозившись, он все же смог опознать большую часть.

— М-м-м... — Нин Шуан открыл одну из склянок и принюхался.

Фу-у-у!

Какой смрад. У него даже слезы на глаза навернулись.

«Сонный Гу», — написал он на новой этикетке и приклеил на баночку.

Он понюхал следующую. Очень приятный, тонкий цветочный аромат. «Любовный Гу...»

Нин Шуан приклеил еще одну этикетку.

Осталась последняя склянка без опознавательных знаков. Он поднес ее к носу — запах был очень похож на предыдущий, тоже легкий цветочный, но более насыщенный, и в нем, казалось, улавливалась едва заметная нотка крови.

Хм? Тоже Любовный Гу? Нин Шуан втянул воздух еще раз.

Значит, предыдущий, скорее всего, не он. Нин Шуан помнил, что у двух видов Гу были очень похожие запахи, но совершенно разное действие. Вероятно, это как раз тот случай.

Подумав, он отклеил этикетку с предыдущей склянки и прикрепил ее к той, что держал в руках, а на освободившееся место наклеил новую, с надписью «Гу Истинного Слова».

Разобравшись со всеми Гу, Нин Шуан потянулся и сложил в свою сумку несколько противоядий.

Завтра выходной. Если он сегодня ночью разберется с делами в экспериментальном корпусе, то завтра сможет отоспаться.

Когда он поймает этого негодяя, то задаст ему хорошую трепку. Пусть знает, как создавать проблемы клану Мяоцзян, из-за которых даже ему, потомку боковой ветви, приходится вмешиваться.

Одевшись, Нин Шуан достал из ящика чистый носовой платок, смочил его в каком-то отваре, от которого прояснилось в голове, и, сунув в карман, на цыпочках вышел из комнаты.

Сняв тапочки, он босиком спустился по лестнице. Спавший у своей будки Нин Дуньдунь внезапно поднял голову.

— У-у-гав!

В следующую секунду пес подбежал и прыгнул на Нин Шуана. Тот быстро зажал ему пасть.

— Тихо!

Нин Дуньдунь уставился на него своими большими собачьими глазами.

— Я иду на охоту, — прошептал Нин Шуан. — Веди себя тихо, понял?

На этот раз пес, кажется, все понял. Когда Нин Шуан отпустил его, он больше не издал ни звука.

Нин Шуан на цыпочках прокрался в прихожую, обулся, взял ключи и вышел.

За его спиной Нин Дуньдунь, высунув язык, смотрел на закрытую дверь, а затем обернулся и посмотрел вверх.

Дверь в комнату Цзи Хуайчжи на втором этаже медленно приоткрылась, и в щели показались два темных глаза. Ночной мрак сгустился в его зрачках, и в их глубине на мгновение вспыхнул темно-фиолетовый огонек.

Хотя днем в Хуайане стояла жара, ночи были по-осеннему холодными. Нин Шуан был рад, что догадался взять с собой куртку.

Ворота университета не закрывались, но охранники дежурили круглосуточно. Чтобы пройти, Нин Шуану пришлось показать студенческий билет.

Если бы это дело не касалось клана Мяоцзян, он бы ни за что не ввязался в эту мутную историю. Но все улики указывали на них, а пока в его жилах текла кровь клана, он не мог оставаться в стороне.

К тому же, Чжао Вэйлян и остальные из студсовета были его друзьями.

Нин Шуан вздохнул и свернул на тропинку, ведущую через бамбуковую рощу.

Ночь была в самом разгаре.

Лунный свет пробивался сквозь густые листья бамбука, ложась на землю пятнами, похожими на ослепительно-белые кости. Сухие листья под ногами хрустели, ночной ветер шелестел в кронах, и все вокруг заливал холодный лунный свет.

Чем ближе он подходил к экспериментальному корпусу, тем сильнее становилось чувство дискомфорта. Это была не физическая боль, а скорее инстинктивное отторжение.

Он плотнее закутался в куртку. Его черная одежда сливалась с ночной тьмой, делая его почти невидимым.

Подойдя к зданию, Нин Шуан заметил внутри несколько мелькающих лучей фонариков. Так называемый «дух-хранитель», чтобы сохранить свою тайну, не стал бы так шуметь. Значит, это, скорее всего, были новые студенты, пришедшие загадать желание.

Нин Шуан нахмурился и начал подниматься по ступеням. Легенда гласила, что их было двадцать, но если насчитать двадцать одну, можно было войти внутрь и загадать желание.

Он заложил руки за пояс и начал считать, поднимаясь.

— Один, два, три...

— Двадцать, — произнес он, ступив на площадку.

Это лишь доказывало, что ступеней здесь всегда было ровно двадцать.

А что касается тех, кто насчитывал лишнюю... Нин Шуан догадывался, в чем дело.

Они так сильно хотели, чтобы их желания исполнились, что в волнении сбивались со счета. Или же, даже насчитав двадцать, не хотели в это верить и все равно входили внутрь.

А как только они переступали порог, то попадали в ловушку.

Нин Шуан слишком хорошо это понимал.

Он включил фонарик на телефоне, освещая себе путь, и медленно вошел в здание.

Ледяной ветер гулял по коридорам, пробираясь под одежду. Волосы Нин Шуана взметнулись, и в нос ударил густой, приторный аромат Гу. Из углов доносился стрекот насекомых.

Он выключил фонарик и начал подниматься по лестнице на второй этаж. На ступенях, как он и ожидал, остались светящиеся синие следы. Если прислушаться, можно было даже расслышать

тихий треск раздавленных «светлячков».

Он достал флакон с репеллентом и вылил немного на ступени. Через мгновение тучи насекомых в панике расползлись в стороны.

На втором этаже он наконец увидел тех, кто светил фонариками. Это были двое парней, один толстый и высокий, другой худой. Они метались между заброшенными комнатами.

Появление Нин Шуана напугало их.

— Ты тоже пришел к хранителю загадать желание? — придя в себя, спросил толстяк.

Нин Шуан скривился.

— Да.

— Тогда на втором этаже можешь не искать. Мы тут уже полчаса бродим, ни черта не нашли, — парни встали рядом, и свет их фонариков заплясал по лицу Нин Шуана. Он прикрыл глаза рукой.

— Можете убрать фонарики? — нахмурился он еще сильнее.

— Ой, извини, — худой выключил свой. — Раз уж встретились, давай поднимемся вместе.

— Может, не стоит? Мне кажется, здесь жутковато, — Нин Шуан был уверен, что в здании витает запах Гу, тот же самый, что исходил от Цзи Хуайчжи. Значит, тот точно бывал здесь.

Как и Чжао Вэйлян с Чэнь Лу.

Так что, есть ли здесь дух-хранитель, было неизвестно, а вот то, что здесь замешан кто-то из его клана — несомненно.

— Мы уже здесь, а ты говоришь, что боишься? Зря только вымахал такой здоровый, — съязвил толстяк, пользуясь своим ростом.

Нин Шуан потерял дар речи.

Ладно, в любом случае, пока он здесь, ничего страшного не случится.

Не обращая на них больше внимания, он повернулся и пошел вверх. Парни переглянулись и последовали за ним.

На третьем этаже в нос ударила смесь запахов гари, пыли и различных химикатов. Нин Шуан прикрыл нос рукавом.

В свете луны, проникавшем через окна, он огляделся. На полу виднелось множество беспорядочных следов и свежий мусор — верный признак того, что в последние дни здесь бывали люди.

Это усложняло дело.

— Слушай, а ведь здесь несколько человек сгорели. Откуда тут взяться хранителю? — неожиданно произнес худой, заставив Нин Шуана вздрогнуть.

Нин Шуан кивнул. Вот это здравая мысль! Действительно, откуда в месте, где погибли люди, взяться доброму духу, исполняющему желания?

— Тебя никто за язык не тянул, — огрызнулся толстяк.

На самом деле, оба были напуганы, но, в отличие от них, Нин Шуан не выказывал ни малейшего страха.

Сильный запах ржавчины и едких химикатов вызвал у него спазм в горле. Какой странный запах.

Нин Шуан сделал еще один глубокий вдох.

Внезапно ноздри наполнил приторный, липкий аромат цветочного нектара. Он быстро проник в легкие и ударил в голову. Нин Шуан замер и хотел крикнуть парням, чтобы они зажали носы, но было уже поздно.

Их взгляды остекленели, лица стали бесстрастными.

Гу, затуманивающий разум.

Он подчинял себе волю человека, погружая его в иллюзорный мир, созданный заклинателем. В клане Мяоцзян его обычно использовали вместо анестезии.

Во время операций, чтобы пациент не чувствовал боли, его разум одурманивали этим Гу.

Парни, вяло опустив руки, пошатываясь, побрели наверх. Нин Шуан поспешно посторонился.

Теперь он был окончательно уверен, что в этом здании кто-то использует Гу.

Если дело получит огласку, клан Мяоцзян немедленно пришлет своих людей для расследования. Тогда проверят всех членов клана, учащихся в этом университете, и, возможно, их всех отправят обратно в ту старую, захудалую деревню.

Раз уж он пришел сюда, он должен был остановить это безумие.

Он последовал за парнями на четвертый этаж. Оглядевшись, он увидел, что коридор покрыт толстым-толстым слоем пыли, а все предметы расставлены в беспорядке. Судя по пыли, на этот этаж никто не заходил.

Они попали под действие Гу на третьем этаже и под его влиянием пошли наверх, поэтому четвертый этаж и остался нетронутым.

Ночной ветер, залетая в окна, метался по зданию, словно не находя выхода, и издавал жалобные, воющие звуки, похожие на крики призраков.

Листья деревьев за окном шумели. Любого другого такая картина привела бы в ужас.

Но Нин Шуан не боялся. Во-первых, он не верил в призраков, а во-вторых, знал, что это дело рук его соплеменников. Поэтому сейчас он чувствовал только злость.

Двое парней продолжали подниматься.

Нин Шуан уже собирался последовать за ними, как вдруг почувствовал резкую боль в затылке.

Пока он, вскрикнув, потирал шею, сзади, с лестницы, донесся отчетливый треск, словно кто-то наступил на сухую ветку. В здании, где слышны были лишь вой ветра и стрекот насекомых, этот звук прозвучал оглушительно громко.

Нин Шуан замер, не донеся ногу до следующей ступеньки. Краем глаза он заметил приоткрытую дверь в пустую лабораторию и скользнул внутрь.

Лаборатория была покрыта толстым слоем пыли. Лунный свет, проникая внутрь, освещал почерневшие от пожара стены. От сырости на них разрослась плесень, пятна которой напоминали уродливые, сгрудившиеся человеческие лица.

И все эти лица, казалось, с усмешкой смотрели на Нин Шуана.

Он прислонился к дверному косяку и, выглядывая из-за него, стал ждать, когда тот, кто был внизу, поднимется.

Честно говоря, он ожидал увидеть кого угодно: студентов, пришедших загадать желание, того самого таинственного заклинателя, даже охранника на обходе. Но он никак не ожидал увидеть до боли знакомое лицо.

Лунный свет, пробиваясь через окно, падал на холодные черты вошедшего. Длинные волосы развевались на ветру, и сам он, казалось, излучал такой же холод, как и луна.

Цзи Хуайчжи.

Почему он здесь?

Зрачки Нин Шуана расширились от изумления. Цзи Хуайчжи шел легко, и, судя по его виду, он не был похож на тех двоих — он не попал под действие Гу. Его взгляд был, как всегда, холодным и отстраненным. Черное пальто, окутывавшее его фигуру, лишь усиливало впечатление нечеловеческого холода.

Цзи Хуайчжи огляделся, держа руки в карманах. Он, казалось, почувствовал на себе чей-то взгляд и резко повернулся. Нин Шуан быстро спрятался.

Снаружи послышался какой-то шорох.

Через полминуты Нин Шуан услышал, как Цзи Хуайчжи начал подниматься по лестнице.

Он шел с безупречной осанкой. Ветер трепал его длинные волосы и раздувал полы пальто.

Как только Цзи Хуайчжи скрылся за поворотом лестницы, Нин Шуан вышел из лаборатории и бесшумно последовал за ним.

Четвертый этаж был пуст. Включив фонарик, он осмотрел коридор — на слое пыли не было ни одного следа. Значит, они пошли дальше вверх.

Нин Шуан ничего не понимал. Что здесь делает Цзи Хуайчжи? Если он пришел загадать желание, то почему на втором этаже не попал под действие Гу, как те двое?

В этот момент любопытство к Цзи Хуайчжи пересилило его симпатию.

Теперь он хотел лишь одного — узнать, кто же такой Цзи Хуайчжи на самом деле.

Он поднялся по лестнице на пятый этаж. Шестой был последним. Пятый этаж тоже был пуст, но несколько следов на пыльном полу указывали, что они прошли вглубь коридора.

Нин Шуан замер у лестницы и посмотрел вдаль.

После пожара здание пришло в полное запустение: облупившаяся краска, разбитые окна, стены, покрытые пятнами плесени. На одной из стен виднелись кровавые отпечатки рук — следы тех, кто пытался спастись. Все это выглядело зловеще.

Ветер гулял по коридору, принося с собой обрывки голосов и криков.

Нин Шуан пошел вперед. Следы обрывались у закрытой двери, из-за которой доносились голоса, плач, шум дождя и какой-то треск.

Его сердце забилось быстрее, каждый удар словно предупреждал: не открывай эту дверь.

Почерневшая от копоти железная дверь на его глазах превратилась в старую, деревянную, увитую плющом. Нин Шуан сглотнул и толкнул ее.

В лицо ударил запах старины — влажный, липкий, с примесью крови.

Он... вернулся в родовой храм у себя дома?

На его родине почти всегда шли дожди. И сейчас лило как из ведра. Колокольчики, висевшие под крышей дома на сваях, звенели на ветру. Воздух был влажным, липким и тяжелым. Даже просто стоять здесь было трудно дышать.

И снова он стоял снаружи. Но на этот раз он наконец увидел себя со стороны.

Раньше этот сон он всегда видел от первого лица и думал, что он в нем еще совсем маленький. Но теперь, глядя на себя со стороны, он понял, что ему было лет тринадцать-четырнадцать.

Мать, стоя на коленях, обнимала его бесчувственное тело и рыдала. Вокруг стояли родственники — они плакали, проклинали кого-то и все с ненавистью смотрели на храм.

А внутри храма...

На полу стоял на коленях мальчик лет одиннадцати-двенадцати. Его фиолетовая ритуальная одежда была изорвана в клочья, спина — сплошное кровавое месиво. Глава клана безжалостно опускал на него кнут.

Капли крови, срывавшиеся с кончика кнута, шипели, попадая на пламя свечей.

Кто это...

Кто он такой...

Нин Шуан хотел подойти ближе, чтобы разглядеть лицо мальчика, но невидимая сила не пускала его внутрь. И тут он услышал голос главы клана:

— Непутевый сын! Ты погубил его, но погубил и себя!

Удар, еще удар, и еще.

Сердце Нин Шуана сжалось от боли так, что стало трудно дышать.

Мальчик вдруг повернул голову. В полумраке храма его лицо все еще было неразличимо, но темные, полные собственничества глаза были видны до ужаса отчетливо.

Этот взгляд, словно взгляд ядовитой змеи из преисподней, обвился вокруг шеи Нин Шуана. Холод пополз от ступней вверх, заполняя все тело. Дыхание стало замедляться, становилось все труднее и труднее дышать.

<http://bllate.org/book/13683/1212365>